

18+

Елена Касаткина

Параллельный вираж

Начато «__» _____ 20__ г.

Окончено «__» _____ 20__ г.

На _____ листах

Елена Касаткина
Параллельный вираж.
Следствие ведёт Рязанцева

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70540642
ISBN 9785006266308*

Аннотация

Любовь рождает в нём злобное одинокое существо, готовое через смерть удовлетворить свой внутренний голод. Только смерть становится проявлением его любви. Остановить его невозможно, вычислить сложно, но Елена Рязанцева попробует. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	22
Глава третья	33
Глава четвёртая	37
Глава пятая	49
Глава шестая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Параллельный вираж Следствие ведёт Рязанцева

Елена Касаткина

*Зло – есть распад без возможности
возрождения*

Дизайнер обложки Елена Анатольевна Касаткина

© Елена Касаткина, 2024

© Елена Анатольевна Касаткина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-6630-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Труп! – Жанна торжествующе посмотрела на подругу. Кроме азарта, в её глазах читалась снисходительная усталость от собственного превосходства: – «Ничего нового, я, как всегда, лучшая».

– Девять, – Ляся вывела в блокноте крюкастую цифру и повернула доску к себе.

– И плюс пятнадцать! – Жанна сгребла несколько пластиковых квадратов. – За всё!

– Блин! Сто тридцать пять! А у меня всего девяносто и никаких шансов с такими буквами.

– Не в буквах дело!

– А в чём?

– Вот в этом! – Жанна постучала пальцем по лбу и беззлобно рассмеялась. – Неча на буквы пенять, коли... Ну, ты поняла.

– Хочешь сказать, что у меня мозгов нет? – Ляся обиженно поджала губки, хотя никакой обиды не испытывала. Она давно признала и смирилась с превосходством подруги. Превосходством во всём – красоте, уме, темпераменте, умении ставить и достигать цели. Не было в ней ни ревности, ни зависти, скорее, наоборот, она испытывала благодарность за их дружбу. За верность в этой дружбе. А дружили они давно, с первого класса. Все десять лет просидели за одной

партой и в институт поступили тоже вместе. Интересы их расходились только в увлечениях. Жанна любила активное времяпрепровождение, несколько лет занималась спортивным ориентированием, участвовала в соревнованиях, ходила в походы, тренировалась, завоёвывала, побеждала. Домоседка Ляся любила тишину. Почитать книжку, посмотреть кино, вышить картину. Жанна – признанная красавица, Ляся – «на любителя». Эта разница их не ссорила, наоборот, примиряла, словно они мысленно договорились: Жанна впереди, Ляся за ней.

– Мозги у тебя есть, просто надо активнее ими шевелить!

– А что тут шевелить, когда такие буквы... «Х», «Ч», «Ж», две «С» и ни одной гласной, ещё этот мягкий знак.

– Отличные буквы, за одну только «Ц» можно десять очков получить!

– Да куда её пристроить? – Ляся нахмурила брови, подвигала квадратиками, меняя порядок букв, выбрала с буквой «С» и поставила на доску под буквой «А», подумала и поставила под ней ещё одну «С». – Всё! Ничего больше придумать не могу!

– И что это?

– Асс! Лётчиков так называют.

– Я вижу, что «асс». Только почему с двумя буквами «С»? «Ас» пишется с одной «С».

– Разве? А мне кажется, с двумя?

– Эх ты, эрудит! Не, ну, может, у твоей бабушки в Баш-

кирии и так пишут...

– Есть такая греческая монета – асс. Пишется с двумя буквами «С». – С верхней полки свесилась коротко стриженная голова.

– Вот! – обрадовалась Ляся и благодарно улыбнулась мужчине.

– Всё равно нельзя! Ты же не это имела в виду, так что убери одну «С», а вы... – Жанна выгнулась, чтобы повернуть голову к мужчине, чья полка находилась над ней. – Не подсказывайте.

– Вот вредина, – Ляся убрала одну «С» и записала в блокнот цифру 3. – Жалко тебе, что ли?

– Побеждать надо честно. Поддавки унижают... Я так считаю. – Жанна снова выгнулась, заглядывая наверх.

– Ладно, тогда вот! – Ляся быстро пристроила оставшиеся квадратики. – Страх! Ага!?! Двенадцать! И вот ещё – ужас! Двенадцать! Кровь! Двенадцать! Мрак! Семь. И череп – одиннадцать! И плюс пятнадцать за всё.

Часть первая

Глава первая

Он долго и кропотливо собирал портфель: вставил в пенал ручку и карандаш, аккуратно вложил дневник в отделение для тетрадей, отогнул перегородку и впихнул учебник в ряд с другими книгами. Затянул молнию.

– Ты чего возишься? – учительница сгребла стопку тетрадей и направилась к выходу. В дверях остановилась, строго посмотрела.

– А можно я доску помою, – пролепетал Мотя.

– Ты что, дежурный?

– Нет.

– Тогда давай, не задерживай. Мне кабинет надо закрыть.

Мотя нехотя поплёлся к выходу. Он не любил перемены, а «большую» так просто ненавидел. Весь урок он со страхом ждал звонка, мучительно соображая, как и куда ему спрятаться, исчезнуть, остаться незамеченным.

Он вышел из класса и прижался спиной к стене.

– Ну? Что приклеился? – Учительница склонилась к нему лицом. – Почему в столовую не идёшь?

– Я не обедаю, – буркнул Мотя в пол.

Учительница переложила тетради под мышку и полезла в карман.

– На, – протянула несколько монет, – купи себе что-нибудь в буфете.

– Не надо. – Мотя насупился и отвернулся.

– Бери, – учительница взяла его руку и вложила монеты в ладошку. – А то так и будешь голодным ходить.

Есть хотелось очень. Кружку чая и кусок батона, оставленные утром матерью для него на столе, поглотила бездонная вечно голодная утроба.

– Я отдам!

– Не надо. Я знаю, что вам тяжело.

– Я отдам! – Мотя громко всхлипнул.

– Ну хорошо, хорошо. Обязательно отдашь. Когда вырастешь, да? – Учительница провела мягкой ладошкой по его вихрастым волосам. Точно как мама. Упоительное, обволакивающее ощущение тепла и покоя. Самообман. На самом деле ей нет до него... до них... никакого дела. Просто жалость. Слезы брызнули из глаз Моти.

Жалость он ненавидел, она хуже, чем страх, хуже, чем унижения. Им можно сопротивляться, жалость лишала сил. Его разрывало от осознания собственной глупости и бессилия, но пустой желудок сворачивался жгутом, есть хотелось до тошноты. Он тряхнул головой, сбрасывая налипшее чувство стыда, и побежал.

Школьный буфет кишмя кишел разновозрастной детво-

рой, вытянувшейся очередью в форме головастика. Возле окошка, заполненного отекившим лицом тёти Клавы, запрыгивая друг на друга, толкались школяры, те, что побойчее и понаглее.

Мотя приподнялся на цыпочки и заглянул за стеклянную перегородку. На длинном столе в пластиковых подносах из-под накрахмаленных полотенец бугорками выпирали пирожки, булочки и кренделя. Края полотенец были отогнуты, и Мотя разглядел на одном из подносов аппетитные розовые сосиски в завитках теста.

В животе призывно заурчало. Мотя сглотнул набежавшую волной слюну и стал ждать.

Сосиски в тесте исчезали с подноса быстрее, чем двигалась очередь. На самом деле она вообще не двигалась. Торговля шла бойко, руки с монетками тянулись со всех сторон, но хвостик головастика оставался на месте. За Мотей в очередь никто не становился. Он, не отрываясь, смотрел, как быстро исчезают с подноса глянцевые завитки, но ничего не мог поделать.

Когда, наконец, он приблизился к окошку, на подносе остался последний завиток. Мотя протянул руку, но в этот момент кто-то схватил его сзади за ворот пиджака и дёрнул.

– Мне сосиску в тесте!

Над головой мелькнула рука, и последняя сосиска досталась длинноногому волейболисту Лёхе Малкину. Он был младше Моти на год, но выше почти на две головы.

– Это моя! – ошетинился Мотя.

– Чего?! – Малкин поднёс сосиску к носу и демонстративно втянул широкими ноздрями сосисочный аромат. – Ммм, какая вкусная! – вгрызся ровными зубами в тесто и смачно хрюкнул от удовольствия. Жуя, произнёс с издёвкой: – Ты на кого твякаешь, Мотя-задротя?

Малкин никогда не ходил один, вокруг него всегда вились его вассалы, «крутые парни», а по сути шестерки на доверии. Мотя ненавидел их всех, они были сильнее его, наглее и уверенней в себе, а своё превосходство демонстрировали окружающим, издеваясь над ним, унижая, оскорбляя, поднимая на смех и с каждым разом придумывая всё более обидные издевательства.

– Деньги появились – смелый стал, да? – Кривоzubый Стас Панин в их шайке-лейке был вторым по статусу. Он учился в параллельном классе, считался примерным учеником, любимцем всех учителей и тоже был выше и мощнее Моти. Его Мотя боялся и ненавидел больше других, уж больно извращённая была у Панина фантазия по части глумления.

– Откуда у тебя деньги, сиротинушка? Кого обокрал? – Панин резко дёрнул сумку, которая висела у Моти на плече. Мотя отлетел на середину зала и шлёпнулся на пол, ударившись костлявой попой о кафель. Малкин, Панин и остальные подоспевшие к разборкам шестёрки дружно заржали.

– Только не ври, что мамашка дала. Уборщицам столько не платят, – Панин снова заржал, на этот раз в одиночку.

Не получив поддержки, решил выместить злобу и пнул Мотину сумку. – Обокрал кого-то? Признавайся, безотцовщина.

Мотя молчал. Он знал, что отвечать нельзя. Стоит ему только произнести слово... всё равно какое... на него тут же набросятся, как уже было не раз. Но здесь, в буфете, они вряд ли посмеют, подкараулят потом, и тогда уже... Мотя вспомнил, как в прошлый раз вся шайка под руководством своих заводил играла в футбол его шапкой. Кроличья шапка. Мама купила ему на барахолке на последние деньги, после того как он месяц проболел ангиной. Шапку пришлось выкинуть, а маме сказать, что потерял. Мама долго смотрела в одну точку, а потом ушла на кухню плакать. Утром протянула Моте новую шапку, сшитую из искусственного меха, который до этого украшал ворот её старого пальтишка.

– А мне он и не нужен, я всё равно платком накрываюсь, что в нём толку. Только ты не бросай где попало, в сумку прячь.

Мотя прятал бесформенную, неказистую шапку, как только сворачивал за угол.

На этот раз предметом издевательств стала Мотина сумка.

– Пацаны, хотите мастер-класс по волейболу. – Малкин поднял сумку и подбросил её к потолку. – Стас, принимай.

Сумка летала из рук в руки, пока не прозвенел звонок.

– Ладно, пошли, – скомандовал Малкин.

– А с... с... с... этим что? – спросил заика Кутёмов, вра-

щая сумку над головой.

– Дай сюда, – Панин выхватил сумку и ухмыльнулся. – Этому дерьму место в унитазе. Пусть ищет в тубзике... женском, – заржал, обнажая кривые зубы. – Айда за мной!

– Не, я на урок, у нас контрольная! – Малкин затолкал в рот остатки сосиски и вышел из буфета. Остальная братия двинулась за Паниным в конец коридора. Мотя поплёлся следом.

В дверях женского туалета Панин столкнулся с Анитой Ченг. Невысокая, но статная Анита, дочь корейского дипломата, бросившего семью по причине рождения дочери, а не сына, выделялась своей экзотической внешностью. Эта особенность почему-то вызывала особое уважительное к ней отношение.

– Ты куда прёшься? – строго спросила Анита, перегораживая проход Панину. – Ничего не перепутал?

– Нет, хочу вот это смыть, – Панин брезгливо поднял Мотину сумку за лямку и скривился.

– Так иди в мужской и смывай свой портфель там.

– Ты чо, Нитка, это же не мой.

– А чей?

– Да вот этого шкета! – кивнул Панин в сторону Моти. – Не хошь, чтоб я заходил, на, сама выброси, только руки не забудь после этого вымыть.

Анита строго посмотрела на вжавшего голову в плечи Мотю.

– У тебя, Панин, ума так много, что девать некуда.

– А то! – осклабился кривоzubый.

– Давай, – Анита выдернула сумку и подошла к Моте. –

На, – протянула, – а ты, Панин, если ещё будешь травлей заниматься, я тебя на классный совет вызову и пропесочу. Подпорчу тебе полугодие неудом по поведению. Понял меня?

– Понял, товарищ староста класса, – отковырял Панин и, махнув рукой, побежал на урок.

Когда всё сущее собирается в одну точку и мерцает высоко в ночном небе, словно она – есть результат деления звёздного числителя одной половины Вселенной на знаменатель другой, тогда легко представить, как безмятежно ты сидишь на берегу реки, а мимо медленно проплывают трупы твоих врагов. Всех тех, кто считал тебя мусором, пылью, ветошью.

После случая с портфелем и заступничества Аниты издеваться над ним не перестали. Но теперь всё было по-другому. Он перестал прятаться. На насмешки не реагировал, от подзатыльников уворачивался. Сдачи не давал, лишь плотнее сжимал зубы и копил злость. Когда-нибудь он ответит. Он ещё не знал, когда и как, но рано или поздно накопившаяся ненависть найдёт выход. Обязательно. А пока он просто сидит на берегу, ждёт и улыбается своим мыслям и фантазиям.

Она удивительная. Узкий прищур глаз, вихрастая чёлка, скуластое лицо. Глаза такие узкие, что почти невозможно

разглядеть их цвет, но он знает – они чёрные. Ему нравится думать о ней, сразу охватывает упоительное, окутывающее теплом и томлением чувство.

Это произошло не в тот день и не двумя днями позже. Возможно, на третий, когда они встретились в коридоре, случайно пересеклись на перемене, она шла в спортзал, он – в библиотеку. Ему был подарен поцелуй. Не физический, духовный. Она подмигнула ему, совершенно точно подмигнула, сомкнув на миг узкий просвет век. У него остановилось дыхание.

Он вдруг полюбил перемены и теперь ждал их с нетерпением: бродил по коридорам в надежде на новую встречу, торчал перед доской с расписанием уроков, изучая, прикидывая, в какой кабинет отправится 9 «Б», и подкарауливал у дверей.

Прошла неделя, но ему так и не удалось её увидеть. Потом он узнал, что она болеет, а ещё через неделю начались каникулы, и он перестал ждать.

Встреча любит случайность.

Лето тянулось улиткой. Он просыпался рано, но сразу не вставал, слушал, как копошится в прихожей мать. Вставал, когда дверь за ней захлопывалась, завтракал чаем и куском батона, потом выходил во двор, садился на скамейку и наблюдал, как неповоротливые голуби бродят в поисках завтрака на чисто подметённом тротуаре. Целыми днями он прозябал в одиночестве и находил в этом удовольствие, по-

долгу гулял, любуясь ломаной линией горизонта, а вечерами перед сном, лёжа в постели, мечтал. О ней. Вспоминал их встречу. И её весёлый прищур.

У него не было и тени сомнения, что он ей нравился. Иначе зачем она ему подмигнула, зачем вступилась? И чем больше он думал, тем больше убеждался в правоте своего убеждения.

Думать так было приятно, и он думал, думал, думал о ней, о возможной близости, о степени обладания. О том, чего бы ему хотелось с ней сделать и до каких пределов дойти. Хотелось поцелуя. Настоящего, физического, с «языком». Он не умел, не знал, как это делается. Видел в кино. И представлял, как в кино: что берёт её за руку, она вздрагивает и смущённо опускает глаза.

Он чувствовал нарастающее возбуждение, которое началось с покалываний в кончиках пальцев, и представлял дальше. Как прижимает её к себе, как маленькие, словно теннисные мячики, грудки упираются в него острыми сосками. От этой мысли между лопатками пробежал озноб.

Она сама его поцелует. Да. Раздвинет ему губы острым языком и вопьётся, как змея, и он будет пить сладкий яд её любви. Думать дальше боялся. Боялся того нервного возбуждения, которое трудно усмирить. Рука сама лезла под одеяло, щупала набухшую твердь. Тогда он вставал и шёл на кухню, долго пил из урчащего крана холодную воду, делал двадцать приседаний и, успокоившись, возвращался в постель.

Она снилась ему почти каждую ночь. Но тот сон был особенный. Она дразнила его, показывая свой маленький острый язычок, манила тонкой рукой, и он, как зачарованный, шёл к ней, пытаясь ухватить трепетную руку.

Её точёные скулы отливали полированной бронзой, а губы изгибались в многообещающую улыбку. В какой-то момент ему почти удалось поймать извивающуюся руку, но резким движением она сбросила тонкие бретельки платья и осталась в белом нижнем белье. Предельно узком, рассекающем бёдра и стягивающем вместе миниатюрные шарики груди.

Она медленно поворачивалась, давая себя рассмотреть в покадровом воспроизведении. Подмышечные впадины, вогнутость спины, параболу нижних рёбер, стройные атлетические ноги. Матовую смуглую кожу живота, ослепительный треугольник белого шёлка и малый скруглённый просвет прямо под ним.

Его разбудил стон. Он вылез из-под одеяла и пошёл на звук голоса.

Через час мать увезли в больницу. Мотя долго стоял у окна, всматриваясь в безликую серость утреннего пробуждения. Он ненавидел эту жизнь и в особенности это утро. Оно отнимало самое дорогое, что у него было, ничего не давая взамен. Если мама умрёт, то и ему в этой жизни делать больше нечего.

Денег не было. Их никогда не было, даже когда мама была

здорова. Они и тогда еле сводили концы с концами, а теперь и подавно. Теперь к прочим расходам прибавились расходы на лекарства. А ещё маме требовалось усиленное питание. Спасти положение могли бы накопления на чёрный день, но их не было. Откуда? Они всего лишь жалкие обитатели проссанного подъезда многоквартирной хрущёвки с запахом мертвечины из подвала. С окнами, выходящими на двор, загаженный собаками, с мусоркой, обсиженной крысами и облюбванной брошенными домашними животными.

Вот он настал, чёрный, чернее некуда. Чёрный, как дупло старого дерева, в которое упирался его взгляд. Такое же дупло образовалось у него в груди в тот момент, когда врач огласил диагноз. Именно огласил, не произнёс, не сказал, а огласил. Уверенно и почти торжественно.

– У твоей мамы онкология. Проще говоря, рак.

Ему захотелось ударить этого бездушного холодного человека в белом отутюженном халате и такой же белой, похожей на пасхальный кулич, шапочке. Он не любил белый цвет, всё, что его окружало, всегда было чёрным. Вся его жизнь – чёрное дупло сочащейся боли. Душевной и физической.

– Мотя, не присмотришь за коляской, мне только на минутку в аптеку за капельками сбежать? – Он с трудом оторвал взгляд от чёрной смолы, обволакивающей расщелину дупла.

– Что?

– В аптеку... – Нина Алексеевна, соседка со второго этажа, присела рядом на скамейку, подтянула коляску. – Про-

сти, я подумала... Как мама?

– Плохо, – выдохнул с хрипом. Прокашлялся и повторил голосом доктора: – У неё онкология, проще говоря, рак.

– О боже! – Соседка скрестила на груди руки, покачала головой. – Может, помощь нужна? Что врачи говорят?

– Врач говорит, нужны лекарства и усиленное питание.

– О боже! Как же ты... – Соседка осеклась. – Надо что-то придумать.

В коляске заворочался и пискнул малыш. Нина Алексеевна затрясла ручку.

– Ей сейчас витамины нужны. Знаешь что, ты присмотри за Костиком, а я сбегая в аптеку, куплю капли и витамины для мамы твоей.

– У меня нет денег.

– Не надо денег. Я куплю. Мы же соседи. Должны выручать друг друга, да ведь?

Он кивнул.

Нина Алексеевна купила не только витамины, но и продукты для мамы. А ещё придумала, как ему помочь в сложившихся обстоятельствах. Она собрала придомовой совет, переговорила с соседями, и благодаря ей Мотя стал выполнять различные поручения.

В старой хрущёвке живут в основном старики да старухи. Кому в магазин за продуктами сбегать, кому мусор вынести. Добродушные и сочувствующие пенсионеры и накосят, и денжат когда-никогда подкинут.

Молодые мамочки обращались с просьбой за детишками присмотреть. Мотя охотно соглашался. Платили пусть немного, но на хлеб хватало. В круговерти забот он почти забыл про Аниту.

Встреча любит неожиданность.

Удивительно устроена жизнь. Удивительно просто. Он вышел на площадку покурить. Сигаретами угостил дед Егор из четвёртого подъезда. Удовольствия курение не доставляло, но прибавляло уверенности в себе.

Она впорхнула в подъезд вместе с потоком ослепительно-го солнца. Бабочкой влетела на третий этаж и замерла.

Он не верил в чудеса. В его жизни их не было. Она стояла перед ним в круге солнечного сияния. Блестящие чёрные глазки в прорезях век, маленький вздёрнутый носик. Белый сарафан на тонких бретельках, тот самый, из его сна, подчёркивал бронзовый отлив загара. Она была здесь, рядом с ним, и он мог излить на неё свою любовь. Всю без остатка.

– Мотя?! – узкие щели глаз округлились. – Ты что здесь делаешь?

Он стоял оглушённый и задыхающийся. Он слышал гулкий стук своего сердца.

– Я здесь живу.

– Да? А я...

Он не слушал, она была здесь, рядом с ним, и не было сомнений – она осознаёт силу своей красоты, хоть внутренне и не уверена.

Предельное напряжение душевных сил вызвало лёгкое головокружение. Сон повторился, и на этот раз он досмотрит его до конца.

– Эй, ты чего? – улыбаясь, она помахала тонкой рукой перед его лицом.

Он поймал её руку и потянул к себе. В узких глазах мелькнуло удивление. Второй рукой он прижал к себе тонкий, скользящий шёлком стан, и на этот раз в её глазах мелькнул безотчётный страх. Будто она не понимала, для чего всё это.

Резким движением она оттолкнула его, но не удержалась и упала сама. Летящий подол сарафана задрался, оголив стройные атлетические ноги до того самого ослепительно-белого кружевного треугольника.

Глава вторая

На фоне чистого голубого неба серое здание Пятигорского вокзала казалось приплюснутым.

– М-да! Как-то уныло здесь. Серо и... бетонно. Непотопляемый совок. – Жанна закинула рюкзак на спину и нагнулась за пакетом.

– Зато воздух! Чувствуешь? Как бабушкин хрусталь после тёплой ванночки с солью и уксусом.

– Смешная ты, Ляська, ну какой на вокзале воздух? Воздух он в горах, а тут вонь дизельная.

– Не знаю, я чувствую. – Ляся освободила кольцо брелочка, зацепившееся за карман джинсов, погладила свисающую с него розовую плюшевую птичку, поправила лямку рюкзака и потянулась за спортивной сумкой.

– Помочь? – Невысокий коренастый парень подхватил сумку и двинулся в сторону вокзала. Коротко стриженный затылок замелькал в общем потоке людей.

– Эй! Куда?! – Жанна кинулась вдогонку. Следом засемила Ляся.

Сойдя с перрона, парень резко остановился и обернулся, они почти налетели на него. Жанна вцепилась в ручку сумки и дёрнула к себе.

– А ну отдай... те!

– Тихо, тихо! Я только помочь. – Парень улыбнулся и по-

смотрел на Лясю.

– Нам помощь не нужна, – Жанна выдернула сумку и протянула подруге. – Следи за вещами. Пошли. – Подтолкнула зарумянившуюся от смущения Лясю.

– Я уже понял, что вам не нужна, но, может, она нужна вашей подруге? А? – Парень обошёл Жанну и пристроился рядом с Лясей. – А это что за птичка? – кивнул на брелок.

– Это оберег, – опустив голову, проговорила быстро и немного сконфуженно Ляся.

– Оберег – это чтобы ничего не случилось? – Тёплая шершавая ладонь сжала её пальцы. Теперь они несли сумку вместе, словно держались за руки.

– Да. Бабушка набила её пухом сизого голубя. Пух выщипывают из-под правого крыла. Это наделяет оберег охранительными свойствами, – протараторила Ляся и испуганно покосилась в сторону подруги. Лицо Жанны было недовольным, она шла молча рядом, печатая кафельный пол вокзала уверенным шагом.

– Ух ты! И что? Помогает? – Парень галантно придержал рукой дверь выхода.

– Не знаю, вроде да...

Шум оживлённой городской суеты ударил в уши гулом людских голосов, дребезжанием колёсиков чемоданов, визгом отъезжающих машин и покрывающим это всё криком «такси надо?».

– Ну всё, спасибо вам за помощь, дальше мы сами. – Жан-

на остановилась и попыталась вырвать сумку из слипшихся рук подруги и навязчивого попутчика.

– Ну сами, так сами. – Парень отпустил сумку и отошёл.

– Пойдём! – Жанна потянула подругу за руку, но та не сдвинулась с места.

– Такси надо? – раздалось рядом с характерным южным акцентом. Чернобровый верзила, поджимая задом капот тёмно-синего седана, крутил на пальце ключи.

– Не надо! – отбрила таксиста Жанна и снова потянула ручку сумки. – Ну ты чего стоишь, идём, говорю.

– Слушайте, девчонки, – парень снова стоял рядом, – а вам куда? Я не хочу навязываться, но вдруг нам по пути, тогда можно одно такси взять, это и дешевле выйдет, и безопасней, а то местные ребята парни горячие и любвеобильные, оберег может и не справиться.

– Ну, мы точно не знаем... – Жанна с тревогой посмотрела на верзилу, и её голос смягчился. – Нам бы какой-нибудь хостел.

– Хостел? А почему именно хостел?

– Ну... Мы вообще-то сюда не отдыхать приехали, наша цель пеший поход по склону Домбая. – Жанна гордо вздёрнула подбородок.

– Ого! Ну так вам повезло, я тот, кто вам нужен. – Парень снова улыбнулся Лясе.

– Не уверена! – холодно ответила Жанна, тряхнув белокурым хвостом. – Если только вы не хозяин хостела.

– Нет, я не хозяин хостела, – хохотнул парень. – Я лучше. Я туристический гид.

– Ну конечно!.. – Жанна потянула сумку, увлекая за собой Лясю. – Пойдём.

– Да нет, серьёзно. – Парень бросился наперерез. – Я работаю на базе отдыха «Светлый путь», организую туры и вожу в походы группы по горным вершинам. Вот как раз приехал открывать весенний сезон.

Жанна остановилась.

– Зачем вам хостел? Вы можете снять комнату у нас на базе, там всё есть, все удобства, кроме питания, но питаться можно в соседнем санатории, так многие делают.

– Нам питание не нужно. Нам только вещи оставить, и мы сразу отправимся в горы. Одни. Нам группа не нужна. У нас всё по плану.

– Одни? Без сопровождения?

– Да.

– А не боитесь? – Парень смотрел на растерянное лицо Ляси. – Одни? Тут, между прочим, медведи и волки водятся. И змеи ядовитые встречаются.

– Не боимся, я опытный турист, подготовилась, изучила... Нет тут никаких медведей, а волки... Были когда-то, но исчезли, во всяком случае, последние 10 лет их никто не встречал. К тому же мы не собираемся там задерживаться.

– Ну, дело ваше. Моё – предложить.

– Спасибо за заботу. – Жанна посмотрела через пле-

чо парня на верзилу, который продолжал крутить ключи на пальце. – А вот предложением касательно такси мы, пожалуй, воспользуемся.

Утреннее солнце ещё дремало, но забияка-ветер уже стаскивал с него одеяло облаков, отчего сизое небо постепенно становилось голубым. Таким голубым небо бывает только в апреле и только в горах. И воздух лучезарно-чистый, как душа ребёнка.

Тёмно-синий седан с визгом подкатил к кафе с незамысловатым названием «На склоне» и резко остановился. Обе задние двери открылись почти одновременно. Белые кроссовки, синие джинсы, серые ветровки, чёрные рюкзаки. Из машины торопливо выскочили девушки – одна блондинка, другая брюнетка. Навстречу им, виляя серым хвостом, с громким лаем кинулся пёс.

– Фу! – вскрикнула Жанна, прикрываясь рюкзаком.

– Эээ, пугливая какая, – рассмеялся мужчина, высунув курчавую голову из правого окна автомобиля. – А ещё в горы собралась.

– Иди сюда, пёса! – подозвала собаку Ляся. Мокрый нос приветливо уткнулся ей в ладошку.

– Смотри, укусит! Ам! – снова заржал кучерявый.

– Не укусит, – раздался голос из-за невысокого каменного забора, который ограждал ландшафтную часть территории кафе. Словно из-под земли выросла полуседая голова. Жен-

щина разогнулась, потёрла поясницу, смахнула с носа выскочивший из кренделя причёски волос. – Это Азуль, местный хаски. Он так всех гостей встречает. А вот провожает по-разному.

В подтверждении этих слов пёс повернул морду в сторону автомобиля и рывкнул предупреждающее «Ав».

– Ой! – скорчил испуганную физиономию кучерявый и снова загоготал. – Ладно, скоро увидимся! – игриво подмигнул Лясе и чмокнул воздух в сторону Жанны. – Поехали, скомандовал шофёру.

Автомобиль сорвался с места, оставив после себя облако жёлтой пыли.

– Посмотри, какие у него голубые глаза, – Ляся погладила пса по загривку.

– Хаски – глупые собаки. – Жанна смотрела вслед удаляющейся машине. Когда автомобиль скрылся из виду, дёрнула Лясю за рукав. – Пойдём, надо позавтракать и купить воды. Интересно, у них влажные салфетки тут продаются, а то у меня кончились. А в горах без них не обойтись.

– Салфетки... Салфетки... Весь склон уже загадили этими салфетками... – Женщина потёрла руки и вышла из-за ограждения. – Нет салфеток, не продают. А воду купить можно, только пустые бутылки не выбрасывайте в горах, сюда несите. Вот, – ткнула пальцем в картинку на деревянном щите.

«Берегите природу – мать вашу!» – гласила надпись

на фоне размазанных по картону зелёных гор и голубого озера.

– Да знаем мы! – махнула рукой Жанна. – Природа не страдает, мы за собой всегда убираем.

– Все так говорят, а я потом эти ваши салфетки в озере вылавливаю. А ведь все за счастьем идут, все здоровья хотят и любви, а за собой грязь оставляют и смрад.

– При чём здесь любовь? – Жанна отвернулась от женщины и поднялась на крыльцо.

– Ну как же. Ведь не просто так идут, всем что-то надо, – ворчала женщина, – вы ведь тоже не просто на красоты полюбоваться, а, небось, любви хотите выпросить. Сами любить не научились...

– Лясь, пошли, – прервала ворчание Жанна, обернувшись, – оставь ты эту собаку.

Прижимая к ноге пса, Ляся с интересом слушала женщину.

– А как её выпросить? У кого?

– У духов озёрных. А вы что ж не знаете? Вы вообще куда идти собираетесь? Разве не на Бадукские озёра?

– На Бадукские, на Бадукские, – Жанна спрыгнула с крыльца и подошла к Лясе, – ну что я тебя вечно волоком тащу за собой, пошли уже.

– Подожди, – Ляся удержала руку подруги. – Мне интересно. Тима тоже об этом говорил.

– Господи, Ляся, что ты во всякую ерунду веришь. Всё это

выдумки, придумки местных, чтоб туристов завлечь.

– Зачем придумывать, у нас туристов и так хватает, – женщина смахнула с носа вновь упавший волос. – По мне, чем вас меньше, тем чище. А духи они были, есть и будут, – женщина отвернулась и пошла туда, откуда пришла.

– Демагогия, – бросила ей вслед Жанна и дёрнула Лясю за рукав.

Капелька пота скользнула по лбу, задержалась на мгновение в глубокой межбровной морщинке и быстро скатилась по переносице вниз, свернув в крыловидную бороздку носогубной складки. Это вызвало щекотку. Не выпуская из рук лопату, Ванда выпятила нижнюю губу и дунула вверх, чтобы прогнать мешающее работе щекотание. Не помогло.

– Тьфу ты! – Ванда наклонила голову и потёрлась носом о рукав старой кацавейки. Стало ещё хуже, осевшая на одежде пыль вызвала настоящий зуд. Ванда отбросила лопату и стала тереть ноздри тыльной стороной ладони. Тёрла так, что картофелина носа тут же стала бордовой.

– Апчихи! – Ванда громогласно чихнула в унисон с громким собачьим лаем. Азуль неслась прямо на неё. Подбежав, псина вскинула передние лапы и упёрлась ими Ванде в живот.

– Ну чего ты, чего? – Ванда обтёрла ладонь о кацавейку и потрепала собачье ухо. – Чего напугалась? Уже и чихнуть нельзя. Чего хвост поджала? – Ванда присела и внимательно

посмотрела в голубые глаза псины. – Что-то не нравится мне твой взгляд!

Хаски опустила на задние лапы, повернула морду в ту сторону, откуда прибежала, и заскулила. Ванда перевела взгляд на горы и нахмурилась.

– Где же ты была, Азулька? Где пропадала два дня? Что тебя так встревожило?

В ответ Азуль вытянула морду и жалобно завывала.

Солнце подкатывало к полудню, становилось жарко. Ванда сняла свою потрёпанную, местами с лоснящимися пятнами кацавейку, обтёрла изнанкой потное лицо, подняла и прислонила к забору лопату. На сегодня план работ выполнен. Сухие ветки собраны в мешок, земля по краю подкопана, порядок наведён. Уже скоро зацветут нарциссы и тюльпаны, и тогда её цветник наберёт свою весеннюю красу в полной мере.

– Пойдём, покормлю тебя. – Ванда перекинула кацавейку через плечо и направилась к кафе, но собака с места не двинулась. Повернув голову в сторону гор, Азуль продолжала скулить.

– Не хочешь? – Ванда остановилась. – Ладно, сейчас руки вымою и сходим с тобой на озёра.

Дорогу, по которой они шли, она знала хорошо. Когда-то... Когда Ванда была молодой и красивой, этот путь она почти пробегала. Нет, она не занималась спортом, просто боролась со склонностью к полноте. Пробежка постепен-

но переходила в прогулку, но до озёр она доходила всегда, летом купалась, весной и осенью умывалась озёрной водой, зимой откалывала кусочки льда, грела их в руках и прижимала к горячим щекам. Ванда всегда верила в чудесную силу Бадукских озёр, в помощь озёрных духов, и вот уже больше сорока лет болезни обходят её стороной.

С годами подниматься в горы стало тяжелее, но раз в месяц, а то и два, Ванда отправлялась в горы, по пути убирала мусор, собирала валежник. Вот и сейчас устало плелась, собирая в чёрный мусорный пакет пустые пластиковые бутылки, синтетические салфетки и другие средства гигиены. Собака бежала впереди, останавливаясь каждый раз, когда останавливалась Ванда, и терпеливо ждала, поторапливая лишь тихим поскуливанием.

Пока дошли до первого озера, мешок был уже полон. Ванда связала концы в узел и притулила пакет к огромному камню.

– Отдохнём, – достала из кармана чистый пакет, расстелила на камне, села.

Азуль отдыхать не хотела, она подбегала к Ванде, клала голову ей на колени, тут же бросалась в сторону, лаяла, кружилась, подняв пасть, выла на солнце, снова бросалась к камню, хватала зубами юбку, тянула.

– Отстань, говорю, – ругалась Ванда, выдирая подол из зубов собаки.

Вдруг Азуль замерла и зарычала.

– Чего ты, чего? – нахмурилась Ванда, чувствуя, как по спине побежали мурашки. Собака смотрела куда-то мимо неё. Она что-то видела там, за её спиной, видела или чувствовала. На какой-то момент Ванду парализовал страх. Преодолевая оцепенение, она повернула голову... За камнем между вывороченных из земли корней старого ясеня она увидела чёрную брезентовую сумку. Первая волна страха схлынула, но душа сжалась от нехорошего предчувствия.

Ванда поднялась и подошла к дереву. Это была не сумка, это был рюкзак, небольшой рюкзачок с прикрепленной к лямке кольцом розовой плюшевой птичкой.

Глава третья

– Грёбанный мороз, сука, сдохни, сдохни, сдохни. – Волков хлопнул дверью старого «Мерседеса», поёжился и направился в сторону Следственного комитета. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Кого это ты, Игорь, ненавидишь? Да ещё с утра пораньше? – Орешкин распахнул тяжёлую деревянную дверь и вошёл. Волков последовал за ним. Перешагнув порог, долговязый судмедэксперт затопал на месте тощими ногами, сбрасывая с ботинок налипшие пласты снега и продолжая громко ругаться.

– Мороз грёбанный, зима эта... Ненавижу!

На шум хлопнувшей двери и громких голосов за стеклянной перегородкой дежурного как по команде подняли головы оперативники Котов и Ревин.

– Ну-ну, ты же на машине, у тебя что, печка сломалась? – Орешкин стряхнул с плеч холмики тающего снега и приветственно кивнул оперативникам.

– Не сломалась, но пока прогрелась, задубел. Да ещё стёкла чистить пришлось, щётка треснула. Ненавижу.

– Так ты бы не давил на неё со всей дури. – Котов вернул дежурному ориентировку и вышел навстречу начальнику. Протянул руку: – Здравия желаю, Владимир Михайлович.

– Не умничай, Котов, береги мозги. У тебя их немного, а преступников, наоборот, до фига, – Волков стянул с головы вязаную шапочку, стряхнул налипшие снежинки и сунул в карман куртки.

– Ну буде вам, чего завелись? – прервал перепалку Орешкин, пожимая руку Котову. – Ну ты-то чего, Виктор?

– Это у них вместо утренней гимнастики, Владимир Михайлович. – Олег Ревин толкнул вертушку и вышел вслед за напарником. – Приветствую, – улыбнулся, пожимая начальнику руку.

– Они бы работали так ладно, как ругаются. – Орешкин с сочувствием посмотрел на красный нос Волкова и кивнул в сторону автомата. – Иди хоть кофе горячий выпей, а то заболеешь ещё. Я бы и сам выпил, да нельзя, сердце, давление...

– Не заболееет, он закалённый, у него в морге тепло не бывает. Там вечная мерзлота. – Котов прошёл к кофейному автомату, вставил купюру в отверстие и нажал на кнопку.

Аппарат ответил лёгким дребезжанием, щелчком и горячей струёй чёрного напитка. Котов открепил стаканчик, источающий терпкий аромат кофе, и поднёс к носу. – Ммм... странно, Волков, что ты зиму не любишь, это же твоя естественная среда обитания.

– Отойди! – недовольно буркнул Волков, подходя к автомату. Продрогший и скукоженный, в мокрой от растаявшего на плечах снега куртке, с посиневшим лицом и застыв-

шей каплей на кончике острого носа судмедэксперт выглядел жалким выпавшим из гнезда птенцом. Впервые Котов почувствовал к своему оппоненту что-то вроде сочувствия и протянул горячий стаканчик.

– На, согрейся, ты нам ещё понадобишься.

– Ага... – недоверчиво покосился на стаканчик Волков. – Что это ты добрый такой?

– Я, Волков, не добрый. Я милосердный. Милосердие – главный принцип христианства. Ты согреешься, а мне там зачтётся. – Котов поднял глаза к потолку.

– Я так и думал, что у тебя корыстные цели. – Ухмыльнулся Волков, но стаканчик взял. – Хочешь на моём горбу в Рай попасть? – Отпил кофе и содрогнулся от удовольствия. Капля сорвалась с носа и булькнула в стакан. – А не выйдет, Котов, не выйдет. Нет там ничего, ни Рая, ни Ада, уж я-то знаю.

– Ну для тебя точно нет. Для вас, атеистов, другое место предусмотрено.

– Эт какое?

– Будешь ты, Волков, болтаться между мирами, как дерьмо в проруби. Вечно. Это в лучшем случае.

– А в худшем? – Оттаивал судмедэксперт.

– А в худшем... Распадёшься на атомы.

– Ой, напугал... – скривился Волков.

– Ну хватит проповеди читать. Вы за работу думаете братья? – Состроил грозную физиономию Орешкин. –

У вас что, дел мало? Совсем без Рязанцевой распустились.

– А где Рязанцева? – Волков приподнял кривоватую бровь до уровня удивления.

– Где... где... В отпуск умотала, в горы, – Орешкин двинулся к лестнице. – Учись, как надо зиму переживать.

Глава четвёртая

Зима пришла в Пятигорск лишь в конце декабря снежным барсом на сильных пушистых лапах. Пришла и вальяжно развалилась в предгорьях. Пришла и осталась. Сугробами на газонах, холмиками на крышах, шапками на деревьях.

– Рассказывай!

Лена окинула взглядом акварельную лазурь неба. Здесь, на высоте чёрт знает скольких метров над похожим на спичечный коробок зданием санатория, все её переживания казались мелким глупым вздором. Что за счастье – быть птицей. Птицы не знают, не должны знать боли расставания. Потому они так легко перелетают с одного места на другое, с юга на север, с севера на юг. Как же хорошо! Как хорошо, что она согласилась приехать сюда. Высота – это то, что её вылечит. Горы – это то, что её спасёт.

– Чего молчишь? Я же снимаю.

Лена опустила взгляд. Стеклянная, подвешенная на трос кабина медленно ползла вниз.

– Вот это фуникулер, на котором мы приехали. – Лена протянула руку в направлении кабины. Толстые металлические канаты дрожали на ветру, отчего кабину шатало в разные стороны. Внутри закорячился холодный колючий страх. Она быстро отвела взгляд. – Вот это гора Эльбрус... – заснеженная макушка едва проглядывала в сонном мареве за-

стывшей облачности. – Который из самолёта видно здорово. А вот там... – Лена указала рукой на спичечный коробок. – Там санаторий, в котором мы отдыхаем.

Вадим повернул камеру телефона, чтобы охватить подножие горы, и медленно перевёл на Лену. В белой шапочке и такой же белой меховой курточке, с торчащими в разные стороны рыжими прядями, она была похожа на снегурочку. Хороша! Даже с синими от переживаний кругами под глазами и впалыми из-за похудения щеками.

Лена прошла по бетонной дорожке и свернула за выступ. Вадим поспешил следом.

– А это что за гора? – Лена заправила выбившиеся пряди в шапочку и обернулась.

– Фиг её знает, – пожал плечами Вадим.

– Вот это гора – Фигеёзнает. Сейчас до неё дойдём. – Лена двинулась за толпой туристов. – Может, «Круглая»?

– Может. Ты ведь на карте смотрела.

– У меня топографический кретинизм. Тут столько гор. – Лена вздохнула. – Они должны быть известны. А эта... Мне даже кажется, что она выше Эльбруса.

– Потому что ближе.

– Да, наверное. – Лена подошла к ограждению, поднялась на нижнюю перекладину, прислонилась животом к металлической решётке и раскинула руки. Картина бескрайнего пространства умиротворяла и успокаивала.

– Хочешь от меня улететь? – Вадим отключил камеру, су-

нул телефон в карман и прижался к её спине, обхватив руками.

– Нет. – Захлестнувшее на мгновение чувство свободы тут же исчезло. Она почувствовала себя прикованной к ограде и опустила руки.

– Поехали обратно, скоро обед, гречка с курицей и борщ.

– Ты позвал меня в горы, а сам думаешь о гречке и борще?

– И о курице. А что? Я проголодался. Я на морозе всегда есть хочу. А что после гор может быть лучше горячего борща?

– Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал. – Лена покачала головой. – Не думала я, что ты такой приземлённый человек.

– Чего сразу приземлённый-то? Вот на Домбае увидишь, как я приземляюсь. Готова со мной в параллельный вираж?

– Нет, конечно! У меня и на обычных лыжах ноги разъезжаются, а на горных и подавно.

– Ты же хотела научиться.

– Хотеть-то хотела... – Лена покосилась на снежную вершину Эльбруса и почувствовала озноб. – Да, кажется, пере-думала.

– Ну нет, подруга, на попятный идти поздно.

До обеда ещё целый час. Вадим пялится в телевизор, а она в окно. Как-то вдруг и сразу она перестала любить эти минуты уединения, которых так не хватало раньше. Теперь она

их ненавидит. Но отрывать Вадима от футбола... Он ведь ни в чём не виноват. Это она достойна своей доли страдания.

Лена включила телефон, но тут же выключила и снова уставилась в окно. Чего она ждёт? Зачем? Провела пальцем по стеклу, вывела невидимое «Макс».

«Можно быть уверенной, что данное тобой обещание ты исполнишь, чего бы это тебе не стоило». – Прижала лоб к холодному стеклу. – Ууу!

Вздрогнула. Она произнесла это вслух? Испуганно оглянулась. Нет, не услышал. Какое там – футбол!

И снова окно, в котором дикая кошка-зима урчит тоскливо, грустно и даже мокро-слезливо-недолюбившим, недосказанным сквозняком. И мысли, которые лезут в голову раскудряшками.

Выбор – всегда предательство. Выбирая одно, предаём другое. Сидение на двух стульях – процесс недолгий. И слава Богу, потому что утомительный. И тупиковый.

Выбор. Правильно выбирать то, что ближе, выгодней, приятней. А если наоборот? Неприятный и ничем не выгодный, и очень-очень болезненный. Совсем не такой, какой хотелось, но правильный.

Теперь её жизнь спокойна, нормальна и понятна, и ей самой, и окружающим, но... пресна.

– Гол!!!

– Спускаюсь в библиотеку, я видела там фортепиано.

– Что? – спросил, не отрывая глаз от экрана.

– Фортепиано. Лет десять не играла. А тут как увидела, так зуд в руках почувствовала. – Она отошла от окна и присела рядом на кровать. – Как думаешь, мне разрешат поиграть?

– Не знаю. У нас в школе в актовом зале стояло пианино, нам на нём бренчать не разрешали, хотя оно старое было и расстроенное, некоторые клавиши не работали.

– Ты разве играть умеешь?

– А то! «Собачий вальс»! Там-там-там... тара-ра-та-та... – Вадим простучал пальцами по покрывалу, имитируя игру на пианино. Лена улыбнулась и провела холодной рукой по его волосам.

Нежность – вот что она к нему испытывает. Нежность – воздух любви. Ну конечно, она его любит. Конечно. Но... не так, как Макса.

– Ну не разрешат, тогда возьму что-нибудь почитать.

– Да там старьё одно.

Лена встала, накинула на плечи кашемировый палантин.

– Встретимся в столовой.

– Ну-ну-ну же!.. Эх! – Вадим стукнул кулаком по вымышленной клавиатуре. – Кто так бьёт!

– Эй, ты слышишь меня?.. – оглянулась уже в дверях.

– Чего?! А... Да... В столовой.

– Через полчаса, не прозевай.

– Иди, иди, не прозеваю.

Она спустилась на первый этаж, прошла фойе и толкнула

стеклянную дверь. Пустой зал библиотеки встретил холодностью. Старое, с облупленной по краям лакировкой, фортепиано занимало почётное место у центральной стены, разделяя зал на две зоны. С одной стороны высились стеллажи с книгами, с другой стоял длинный банкетный стол со стопками газет и журналов. В углу у входа за деревянной стойкой, уткнув нос в книгу, сидела маленькая щуплая женщина. Небрежный кренделёк из волос поблескивал сединой. На дребезжание распахнувшейся двери кренделёк вздрогнул и опрокинулся на сдавливающий шею шарфик цвета старых страниц прочитанных книг. Женщина посмотрела на Лену так, словно в зал пожаловал инопланетянин.

– Здравствуйте, – проямлила Лена. – А можно мне поиграть на инструменте?

– А вы умеете? – библиотекарьша подняла строгую бровь.

– Умела, – неуверенно ответила Лена, неожиданно испугавшись собственных намерений. А вдруг она не сможет, вдруг всё забыла... Что тогда? Как поведёт себя эта строгая, похожая на школьного завуча женщина? Прогонит?

Играть расхотелось.

– Ну хорошо, только не громко. – Библиотекарша выпрямила спину и, приподняв книгу до уровня глаз, продолжила чтение. Внимание Лены привлекла обложка книги – растрёпанная девица фривольно размахивала юбкой на фоне лазурного моря. И название соответствующее – «Блудница». О-о! Как неожиданно! Ни Толстой, ни Достоевский... Елена

Касаткина. Кто-то из современных авторов, а Вадим уверял, что тут одно старьё.

Лена прошла к фортепьяно и подняла крышку.

– Можете взять стул... Вон там... – кивнула библиотечка в сторону банкетного стола. – Всё равно никто не придёт.

– Разве люди перестали читать? – Лена прошла к столу и подхватила стул.

– Не совсем... Читают, конечно, но всё больше в телефонах, это удобней – всегда под рукой. Да и выбор... Почему-то все уверены, что если библиотека, то в ней только старьё, классика и советское издание членов союза писателей.

– А на самом деле?

– А на самом деле у нас много чего, классика, конечно, есть, и добротная советская литература, но и новых современных авторов много. Вот... – библиотечка приподняла «Блудницу». – Из нового поступления.

– И что? Хорошо пишут современники?

– Во всяком случае, не скучно.

Дверь со скрипом распахнулась, и в библиотеку вошёл высокий мужчина в синей парке. Приподнятые плечи и чересчур длинные ноги делали фигуру непропорциональной. Набриоленные волосы выдавали настойчивое желание выглядеть «блестяще», но, несмотря на старания, внешне мужчина был малопривлекателен из-за сходства с обезьяной.

«Австралопитек» – вспомнила картинку из учебника зоологии Лена, опуская стул. Играть не хотелось, мешал непри-

ятно-сальный взгляд нового посетителя. Она закрыла крышку фортепиано и повернулась. Человек с лицом обезьяны фамильярно подмигнул ей и прилёг грудью на стойку.

Аромат его терпкого одеколона мгновенно затмил сладко-пряный запах библиотечного фонда. Аромат был приятным, но чересчур обильным и настойчивым, отчего вызывал скорее отвращение, чем удовольствие.

– Марь Сан, какие делишки?

– Да какие у меня делишки. Всё по-старому, – зарделась библиотекарьша. – Сижу вот, скучаю в одиночестве. Никто не заходит...

– Как это никто? – «Австралопитек» развернулся и снова уставился на Лену бесцеремонно-оценивающим взглядом. – А я... И мадам вот... Или мадемуазель?

– Я пока выберу книжку, – Лена отвернулась и пошла к полкам.

– Новинки у нас справа, – подсказала Марь Сана и улыбнулась посетителю. – Вы тоже почитать решили или...

– Нда... – проговорил мужчина, не отводя взгляда от сползшего с плеч бежевого палантина. – Газетку хотел почитать.

– Газетку? Пожалуйста! Вон там, на столе. Садитесь, читайте, стульчик только возьмите, тот, что возле пианино.

– Не надо стульчик, я так... Полистаю.

Пружинистым шагом он направился к столу, взял лежащую поверх стопки газету, распахнул, полистал, оглянулся.

– А может, тоже книжку? – Шагнул к полке и стал за спиной у Лены. – Что посоветуете, мадемуазель?

– Вот, – Лена быстро выдернула и протянула набриолиненному мужчине книгу в сером переплёте.

– «Идиот»? – прочёл «австралопитек». – Скукота же.

Лена пожала плечами, потянулась к верхней полке, выудила маленький коричневый томик стихов Бродского и перешла к стойке.

– Вот запишите на номер триста семь.

– Хорошо, я запомню, – махнула седым крендельком библиотekarша.

– И я! – Австралопитек подошёл к стойке и стал почти вплотную к Лене. – Сегодня танцы, придёте? – Сизые губы приняли форму раздавленной миноги.

Наглость мужчины начинала злить.

– Чего?!

– Танцы! Отличная музыка. Современная. Приходи... те. – Он положил «Идиота» на стойку и заглянул ей в лицо.

– Пфф... – выдохнула Лена. – И не подумаю.

– Вот и зря, у нас отличный ведущий, – подхватила библиотekarша. – Как сейчас говорят, диджей. Я тоже буду, – выразительно посмотрела на «австралопитека».

– Хм... – Лена покосилась на растрёпанную девушку на обложке книги.

– К нам и из соседних санаториев приходят. И местные, и приезжие, – убедительно трясла головой библиотekarша,

отчего седой кренделёк лишился удерживающей его шпильки и рассыпался по плечам вихрастыми прядями. «Как есть блудница!» – мысленно рассмеялась Лена.

– А ещё наш диджей устраивает викторины, и по результатам победителю вручают приз.

– Наверняка что-то очень ценное, – не удержалась от сарказма Лена.

– Экскурсия в горы. Для победителя, естественно, бесплатная.

– Естественно. Было бы странно выиграть экскурсию за свои деньги, – Лена поправила палантин и повернулась, чтобы выйти, но почувствовала удерживающую её руку.

– Приходите, не пожалеете. – Сальный взгляд мужчины вызывал отвращение.

– Уберите руку, – Лена дёрнула плечом и быстро вышла из библиотеки.

Он настиг её у входа в столовую. Налетел вихрем, подхватил, покружил, опустил, чмокнул в щёку.

– Ну что, погнали хавать?

– Вот и лишнее подтверждение того, что голод правит миром. Всё-таки инстинкт «пожрать» сильнее футбола.

– Ха, а вот и нет. Футбол закончился, но пожрать я люблю не меньше, ты знаешь.

– Да уж. По силе твоей любви футбол и голод меня явно обошли. – Лена толкнула дверь столовой, и в нос ударил

горьковатый запах гречки. – Опять гречка, третий день подряд. Куда подевались макароны?

– А что гречка? Я люблю... И макароны тоже. Почти как тебя.

– Ах вот как?! – Лена размахнулась и стукнула Вадима книгой по спине. Он почти успел увернуться, книга проехала по лопатке и, выскользнув, полетела на пол. Глухой шлепок о плитку выплюнул из внутренностей листок.

– Ты чо творишь? – Вадим наклонился за книгой и подобрал выпавший лист. – Бродский? Странный выбор.

– Почему? – Лена выхватила томик.

– Ну я думал, ты детектив какой возьмёшь, а ты стихи.

– Детективов мне и на работе хватает. Я на отдыхе.

– Всё равно не понимаю, чего вы с этим Бродским носитесь, – Вадим протянул выпавший листок. – По мне, так лучше Пушкина никого нет. Ну, Маяковский ещё.

– Кто это вы?

Лена повернула листок – огромное голубое озеро в расщелине гор отражало полуденное солнце.

– Да Макс вот... как-то мне про Бродского рассказывал...

Рекламный текст замелькал у неё перед глазами роем несвязанных между собой букв. – Это что? – Вадим заинтересовано посмотрел на буклет. Чтобы скрыть тремор, Лена судорожно затолкала листок обратно в книгу и сунула её в подмышку.

– Чья-то закладка. – Руки продолжали трястись. – Пойдём

уже, а то обед остынет.

Глава пятая

В просторном обеденном зале столики стояли не рядами, как обычно это бывает, а располагались на небольшом расстоянии друг от друга, заполняя всю площадь помещения. Их стол находился у окна, именно это местоположение Лена выпросила у заведующей. Изначально столик считался служебным и не обслуживался. Коробка конфет и бутылка коньяка позволили сделать для молодой пары исключение. Все три дня их пребывания в санатории столик накрывался на двоих, но сегодня прибора было четыре.

– Дорогие мои! – грузная, полуженщина-полумужик Лариса Анатольевна спешила к их столику. – Я сейчас вам всё объясню. У нас тут накладочка вышла, – заговорщицки понизив голос, торопилась объяснить заведующая. – Очень хорошие люди... С соседней базы отдыха... Попросились к нам на довольствие, а у нас полный аншлаг, как видите, – развела толстые, обтянутые клетчатым флисом кофты руки. – На Рождество всегда так. Они на недельку всего. Пока будут с вами за одним столиком. Всего семь дней. Уж не обессудьте.

– Мы не против, – пожала плечами Лена. – Тем более, если хорошие люди.

– Очень... Очень хорошие, приблизительно вашего возраста, так что вам веселее будет, может, подружитесь, – пых-

тела Лариса Анатольевна. – Вон они стоят, – кивнула в сторону молодой пары, ожидающей у входа. – Так я приглашу?..

– Конечно, зовите. Чего вы людей на пороге держите? – Вадим отодвинул стул, приглашая Лену сесть рядом, а не напротив, как это было раньше.

– Так я... Хотела сначала с вами согласовать, уладить, вдруг вы против будете.

– Что за глупости, мы что, этот стол выкупили? Зовите скорей, люди с дороги, небось, есть хотят.

Заведующая засеменила толстыми маленькими ножками к выходу.

– Кстати, про Бродского... – Вадим сел и аккуратно расстелил на коленях салфетку. – Совсем забыл сказать... Макс тебе привет передавал.

В ушах зашумело, а уgomонившиеся было руки затряслись с утроенной скоростью.

– Когда? – выдавила из себя Лена, перекладывая с места на место столовые приборы.

– Как только ты ушла. Тут как раз опасный момент... Я напрягся... И телефон, блин. Был бы кто другой – не ответил, потом бы перезвонил, но совесть не позволила, в результате пропустил самое интересное.

– Для тебя есть хоть что-то важнее футбола? – спросила Лена нервно и, чтоб успокоиться, начала перелистывать книгу. – Тебе друг звонит, а у тебя опасный момент.

– Ну так я же ответил... – обиженно покосился Вадим.

– И что Макс? Зачем звонил? – она давила в себе тремор, но никак не могла с ним справиться. Вслед за руками стали трястись колени. Дрожал даже голос. Чтобы скрыть волнение, она закашляла.

– Да так просто, узнать, как дела.

– И что ты ему сказал?

– Сказал, что всё отлично.

– И всё?

– Ну да.

Лена прикусила от досады губу. Макс обещал ей больше никогда не звонить и не писать. Но она ждала. Ждала, что он нарушит обещание. Постоянно открывала телефон. Открывала, зная, что сообщений от него нет и быть не может. И закрывала. Но она совсем упустила из виду, что он может позвонить Вадиму, они ведь друзья.

– Здравствуйте, не помешаем?

У неё красивые раскосые глаза, взгляд чёрной материи. Женщина – ночь. Загадочная и манящая.

У него всё наоборот. Всё просто. Круглые голубые глаза и россыпь конопушек. Никакой загадочности, но чертовски располагающая улыбка.

– Гулышат! Можно просто Гуля. – Она села напротив Лены, излучая тёмно-синие фотоны глаз.

– А я Виталий! Можно просто Виталий! – Детская обезоруживающая улыбка сопровождала мужское рукопожатие.

Бывают люди «тяжёлые», к которым, как говорится,

на кривой кобыле не подъедешь, которые наведут на себя туману, манерности и всякого разного с претензией на оригинальность. Виталий и Гульшат Котёночкины были не такие: лёгкие, простодушные, приветливые, приятные в общении. С такими начнёшь разговор, и заканчивать не хочется. Лена и не заметила, как стихла внутренняя буря, как расправились скученные брови, а уголки губ потянулись вверх.

– Мы всегда на Рождество едем в горы. Что может быть лучше лыжных прогулок зимой. На этот раз решили на Домбай. Здесь много маршрутов разной сложности и протяжённости. – Виталий опустил в сметанницу ложку, зачерпнул, переложил в тарелку. – Говорят, здесь хорошо кормят и досуг неплохо организован.

– Да какой тут досуг? – Вадим покосился на тарелку Лены. – Ты гречку будешь?

– На. – Лена передвинула к нему свою тарелку.

– Танцы! – От горячего борща лицо Виталия покраснелось, конопушки попрыгали. – Не ходили ещё?

– Дискотека для тех, кому за сто? – хохотнул Вадим.

– Почему за сто? – Узкие щёлочки вспыхнули брожением ультрахолодных атомов. – Сюда много молодежи местной ходит, и со всех турбаз народ стекается, а на турбазах контингент в основном до 35. Мы сегодня собираемся прийти? А вы? Придёте?

Вадим вопросительно посмотрел на Лену.

– Пойдём?

Лена вспомнила сальную улыбку австралопитека и поморщилась.

– Не, мы – не про танцы, мы – про библиотеку, вот. – Вадим поднял томик, потряс. – Будем весь вечер Бродского декламировать.

Цветной глянцевый листок выскочил из книги, перелетел корзинку с хлебом и опустился рядом с тарелкой Гули.

– Это что? – заинтересовалась женщина-ночь.

– Это закладка, – ответил Вадим.

– Это рекламный буклет, – уточнила Лена.

– Интересно. – Гулышат сузила и без того узкие глазки. – Пеший тур на Бадукские озёра. Хм! Ходили?

– Нет. – Покачала головой Лена. – Это реклама летних туров. Зимой туда пешком не ходят, наверное.

– Но на лыжах наверняка можно. Я много слышала про эти озёра, говорят, они волшебные, если в них искупаться...

– Исккупаться?

– Ну летом искупаться, а зимой просто умыться или протереть лицо осколком озёрного льда.

– Ооо, эти сказки мы знаем. Не, ну как маркетинговый ход – неплохо, конечно. Только мы собираемся осваивать горные лыжи, да?.. – Вадим обнял Лену за плечи. – Завтра у нас запланирован Домбай.

– Ну тогда можно я оставлю этот буклет себе, он хоть и летний, но тут есть телефон гида, хочу узнать, можно ли туда на лыжах пойти.

– Берите, конечно. – Лена протянула листок.

Глава шестая

Она ослепла. Маленький, резко очерченный диск холодного солнца скользнул над зигзагообразной линией горизонта и пополз вверх, заполняя пространство бестеневым ртутным светом.

– Я боюсь!

– Не бойся, я же рядом.

– Я ничего не вижу!

– Очки надень.

Лена натянула очки. Мир приобрёл очертания, но легче не стало.

– У меня ноги разъезжаются!

– Не выдумывай, ты пока стоишь поперёк склона.

– Да?!

– Да! Разворачивайся и ставь стопы на ширину плеч, так, чтоб полозья оставались параллельно друг другу.

Лена попробовала передвинуть ноги, вытаскивая провалившиеся в снег лыжи.

– Аааа! Они едут!

– Никуда они не едут. Я же тебя держу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.